

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга III.
Дети Звёзд**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер.
Книга III. Дети Звёзд**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга III. Дети Звёзд / А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Артём и Алиса думали, что главные испытания позади. Но небо над яблоневым садом разрывается, и из трещины в реальности выходят Адиты — древние космические существа, принёсшие весть о Пожирателях Света. Совет Семи расколот: одни хотят спасти Землю, другие — уничтожить. Чтобы защитить свой мир, герои отправляются в Набха-локу, где овладевают Первым Лучом, активируют древние мармы, вырезают руны на мечях-Астрах и проходят Испытание Истиной в Зале Отражений. В финале им предстоит не просто битва с Вритрой, одержимым пустотой, а преображение: тьму нельзя победить силой — её можно только осветить. Эта книга о любви как космической силе, о красоте, которая внутри, и о выборе между светом и тьмой, который каждый делает сам.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 3	5
Предисловие к третьей книге	5
Оглавление	7
Глава 1. Гости из глубин	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бажаник. Семь сфер. Книга III. Дети Звёзд

Книга 3

Предисловие к третьей книге

Дорогой читатель.

Если ты держишь в руках эту книгу, значит, ты уже прошёл со мной долгий путь. Ты был рядом, когда Артём, обычный курьер из Москвы, нашёл бабушкину книгу и начал пробуждать семь сфер. Ты был рядом, когда он встретил Алису, когда сражался с Хранителями Граней, когда впервые шагнул в Шамбалу. Ты видел, как двое любящих сердец стали Двумя-в-Одном — единым светом, способным победить даже самую глубокую тьму.

Третья книга — это новый шаг. Шаг из мира людей в мир звёзд. Из Шамбалы — в Набхалоку, Небесный Мир, где обитают существа, старше богов. Где красота становится оружием, а свет — выбором.

Но эта книга — не просто о космических битвах и древних существах. Она о том, что происходит *после*. После того, как ты обрёл силу. После того, как ты узнал, кто ты есть. После того, как ты полюбил. Что остаётся? Только выбор. Выбор между светом и тьмой. Между служением и властью. Между любовью и пустотой.

И самый трудный выбор — не между добром и злом. А между тем, чтобы принять свою тьму как часть себя — или отрицать её и разрушать мир вокруг.

О чём эта книга

Когда я писал «Семь сфер. Книга III. Дети Звёзд», я думал о самом страшном враге, который только может быть. Не о демоне с когтями и рогами. Не о тиране, жаждущем власти. О враге, который живёт внутри каждого из нас. О той части нас, которая говорит: «Я должен быть совершенным. Всё несовершенное должно быть уничтожено. Я не имею права на ошибку».

Это голос Вритры. Древнейшего из Адитьев, Хранителя Тьмы, который забыл, как любить. Который стал пустым, потому что верил, что чистота — это отсутствие тьмы. Который уничтожал миры, потому что не мог принять себя.

Но есть и другой голос. Голос, который говорит: «Ты несовершенен. И это нормально. Ты — смесь света и тьмы. И только приняв эту смесь, ты можешь стать целым».

Эта книга — о том, как мы учимся принимать свою тьму. Как мы учимся светить, несмотря на неё. Как мы учимся любить — даже тех, кто кажется нам врагами.

Кто такие Адитьи?

Адитьи — Дети Звёзд. Они старше человечества на миллионы лет. Они прошли путь, который нам только предстоит пройти. Они прекрасны, они мудры, они сильны. Но у них есть свои страхи, свои сомнения, свои слабости. Савитар боится, что его свет может ослепить. Ушас боится, что её заря никогда не наступит. Чхая потеряла себя в потоке чужих лиц. Митра когда-то нарушил договор и теперь искушает это.

Адитьи — это мы. Только старше. Только опытнее. Только дальше прошедшие по пути.

«Дети Звёзд» — это история о том, что свет и тьма — не враги. Они партнёры. Два крыла одной птицы. Две стороны одной монеты. Тьма без света слепа. Свет без тьмы жесток. И только приняв обе, мы можем стать целыми.

О чём эта книга на самом деле

Ты можешь прочитать «Детей Звёзд» как космическое фэнтези о битве с древним злом. И это будет правильное прочтение. Но есть и другое — более глубокое.

Эта книга о том, как мы сами создаём своих врагов. О том, как страх становится ядом. О том, как идея, доведённая до абсолюта, превращается в пустоту. О том, что совершенство — это иллюзия. И что единственный способ исцелиться — это принять себя таким, какой ты есть. Со всем светом и со всей тьмой.

Это книга о любви. Не о романтической влюблённости, которая проходит через месяц. О любви как фундаментальной силе. О любви, которая держит миры. О любви, которая может исцелить даже того, кто забыл, что значит любить.

Кто найдёт в этой книге себя

Если ты когда-нибудь чувствовал, что должен быть идеальным — и ненавидел себя за то, что ты несовершенен, — эта книга для тебя.

Если ты когда-нибудь боялся своей тьмы — своих страхов, своих слабостей, своих тёмных мыслей, — эта книга для тебя.

Если ты когда-нибудь думал, что любовь — это слабость, — эта книга для тебя.

Если ты когда-нибудь терял надежду — и находил её снова, — эта книга для тебя.

Эта книга о том, что тьма — не враг. Она — учитель. Она показывает нам, кто мы есть на самом деле. И только приняв её, мы можем стать светом.

О связи с предыдущими книгами

«Дети Звёзд» — прямая продолжение «Семи сфер. Книги II. Шамбалы». Если ты не читал первые две книги, я рекомендую начать с них. Но если ты решил начать с третьей — ты поймёшь историю. Потому что эта книга, как и вся серия, говорит о вещах, которые не зависят от порядка глав: о любви, о свете, о выборе.

Оглавление

Глава 1. Гости из глубин

Сентябрь в яблонево́м саду — тишина, которая пахнет озоном. Предчувствие. Артём и Алиса чувствуют, что мир становится «тоньше». Трещина в реальности — из неё являются Адиты. Савитар, Хранитель Света, в доспехах из ночного неба с живыми звёздами. Ушас, Владычица Зари, с короной из семи лучей. Чхая, Тень, чьё лицо соткано из тысяч лиц. Они предупреждают о вторжении Кхайя — Пожирателей Света. Раскол Совета Семи: трое за помощь людям, трое за уничтожение Земли, один воздерживается. Врата в Набха-локу — Небесный Мир. Артём и Алиса соглашаются идти. Первая ночь в Набха-локе — Алиса признаётся в страхе: «Я боюсь, что мы изменимся».

«Предчувствие — это воспоминание души о будущем». Виктор Гюго «Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце». Антуан де Сент-Экзюпери «Если бы двери восприятия были чисты, всё предстало бы человеку таким, какое оно есть — бесконечным». Уильям Блейк

Глава 2. Первый Луч и Чертог Теней

Обучение в Набха-локе. Ушас учит создавать Первый Луч — слияние семи сфер в белый свет. Урок любви к собственным сферам. Алиса не может активировать Манипуру из-за старой боли — чувства вины за гибель родителей. Ушас помогает ей: «Твоя Манипура не слаба. Она просто ждёт, чтобы ты её признала». Пробуждение. Савитар даёт Астру — оружие, разрубающее связи между частицами. Бой со Световыми Стражами — танец клинков и теней. Чхая учит видеть во тьме — различать информационные тени. Мармы и акупунктурные амулеты — семь камней на семи точках тела. Кольца Возврата. Ночь перед битвой — Алиса впервые говорит: «Я боюсь, что мы изменимся».

«Любовь — это единственное, что становится тем сильнее, чем больше её отдаёшь». Лао-Цзы «Меч — это продолжение духа». Миямото Мусаси «Самопознание — начало мудрости». Сократ

Глава 3. Совет и Вритра

Совет Семи — семь тронов, семь голосов. Появление Вритры — древнейшего из Адитьев, чья пустота старше самого света. Спор о судьбе человечества. Вритра: «Ваш вид — ошибка. Случайности не должны влиять на решения Совета». Голосование — пять голосов за шанс, три против. Вритра не принимает решение. Испытание Истиной в Зале Отражений — Артём и Алиса видят свои страхи и принимают их. Адити благословляет Алису золотым огоньком. Варуна дарует руны семи сфер для Астр. Точильные камни — обсидиан и хрусталь. Вритра исчезает с угрозой: «Вы все ответите».

«Познай самого себя». Сократ «Зло — это извращённое добро». Августин Блаженный «Самая опасная ложь — это правда, из которой убрали контекст». Блез Паскаль

Глава 4. Битва в Долине Тысячи Лотосов

Тревожная ночь после Совета. Весть из Шамбалы — Вритра послал Дхуму и Ахи в Долину Тысячи Лотосов. Друзья в опасности: Такиака, Адитья, Синга, Ригден Джапо, махатмы, Гаруды, Киннары, Якиши. Артём, Алиса, Савитар, Ушас и Митра вступают в битву. Битва с Дхумой — иллюзии, которые становятся реальностью. Битва с Ахи — яд, отравляющий не тело, а душу. Активация семи марм с помощью акупунктурных амулетов. Поражение Дхумы и Ахи. Появление Вритры — его пустота пожирает реальность. Объединённый свет всех друзей. Финальная схватка.

«Иллюзия — это правда, которую видит только один». Анри Бергсон «Яд — это лекарство, принятое в неправильной дозе». Парацельс «Война — это продолжение политики другими средствами». Карл фон Клаузевиц

Глава 5. Свет, который не гаснет

Финальная битва с Вритрой. Объединённый свет всех друзей проникает в пустоту. Алиса говорит: «Мы просто любим. И этой любви больше, чем твоей пустоты». Свет заполняет пустоту. Вритра вспоминает, каково это — быть живым. Его тьма рассеивается, он становится светлым и берёт новое имя — Арка («луч»). Исцеление. Возвращение в сад. Прощальные дары: амулет Уробороса от Такиаки, перо от Адитьи. Синга остаётся Стражем Шамбалы. Возвращение домой. Ночь в яблонево́м саду — семь цветных колец над дубом. Артём и Алиса сидят на крыльце. «Мы сильнее, чем думали».

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Евангелие от Иоанна «Пустота — это то, из чего рождается всё сущее». Лао-Цзы «Ад — это отсутствие других». Жан-Поль Сартр «Свет — это не то, что мы имеем. Свет — это то, что мы есть». Мартин Лютер Кинг

Послесловие

О том, почему эта книга — о самом трудном: о том, что происходит после пробуждения силы. О Вритре как метафоре внутреннего критика, который говорит «будь совершенным или исчезни». О свете и тьме как партнёрах, двух крыльях одной птицы. Об Адитьях как о нас — только старше и опытнее. О любви как космической силе. О пути, который продолжается. Напутствие читателю: «Ты — свет, который ищет путь домой. И этот путь — внутри тебя». Благодарности.

«Совершенство — это способность вместить в себя всю тьму и всё равно светить». Карл Густав Юнг «Любовь никогда не перестаёт». Апостол Павел «Ты не капля в океане. Ты — целый океан в капле». Джалаладдин Руми

Словарик

Имена и названия: Савитар, Ушас, Чхая, Митра, Адити, Варуна, Вритра, Арка, Дхума, Ахи, Кхайя. Миры и места: Набха-лока, Чертог Закона, Зал Отражений, Чертог Теней, Сад Света, Долина Тысячи Лотосов, Зал Совета. Эзотерические термины: семь лучей, Первый Луч, Испытание Истиной, Совет Семи, мармы, акупунктурные амулеты. Артефакты: Астра, руны семи сфер, Акаша-грантха, амулет Пути, Уроборос, перо Гаруды, Колесо Дхармы, кольца Возрата, Световые Стражи. Уникальные выражения и метафоры. Цитируемые великие.

«Свет — это не отсутствие тьмы. Это тьма, которая познала себя». Чхая «Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце». Антуан де Сент-Экзюпери

Предисловие

Обращение к читателю. О том, что эта книга — о самом трудном: о том, что происходит после пробуждения силы. О Вритре как о внутреннем голосе, который говорит «будь совершенным». О свете и тьме как партнёрах. Об Адитьях как о нас — только старшие. О любви как космической силе. Напутствие: «Свети. Даже когда страшно».

«Тьма — это не враг света. Тьма — это то, из чего свет рождается». Чхая «Любовь — это единственное, что становится тем сильнее, чем больше её отдаёшь». Лао-Цзы

Об авторе

Герой писал эту книгу два года, переписывая каждую главу по несколько раз. Учился на философском факультете МГУ, но бросил. Работал курьером. Эзотерикой увлёкся после смерти бабушки, которая оставила ему старую книгу с заметками на полях. «Семь сфер» — третья книга серии. Четвёртая книга — «Семь сфер. Книга IV. Кхайя» — готовится к изданию.

«Я написал эту книгу для себя. А потом понял, что она — для всех, кто когда-либо чувствовал, что должен быть идеальным, и ненавидел себя за несовершенство».

Примечание

Четвёртая книга серии готовится к изданию. Артём и Алиса столкнутся с Пожирателями Света, которые уже близко. Путь продолжается.

Глава 1. Гости из глубин

Сентябрь в яблонево́м саду́ был тих и прозрачен. Листья только начинали желтеть по краям, а яблоки налились такой тяжестью, что ветви клонились к земле, и казалось — протяни руку, и плод сам упадёт в ладонь.

Я сидел на крыльце и смотрел, как Алиса рисует. Она устроилась под старым дубом — тем самым, под которым мы два года назад закопали два камня, соединённых серебряной проволокой. Мольберт стоял прямо на траве, и солнечные пятна, пробивавшиеся сквозь листву, плясали по холсту, мешая ей работать. Но она не жаловалась — она вообще редко жаловалась. Только морщила нос и сдувала упавшую на лоб прядь.

За год, прошедший после Шамбалы, она изменилась — неуловимо, но заметно для того, кто смотрит каждый день. Семь пробуждённых сфер сделали её движения более плавными, а взгляд — более глубоким. Она стала меньше уставать, реже болеть и чаще улыбаться. Платье из лунного шёлка она берегла для особых случаев, но сегодня надела его просто так — сказала, что хочет, чтобы день был праздничным, хотя никакого праздника не было. Шёлк струился по её плечам, ловил солнечный свет и отбрасывал его на траву мягкими жемчужными бликами.

— Ты опять на меня смотришь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я всегда на тебя смотрю. Ты же знаешь.

— Знаю. — Она отложила кисть и повернулась. Серые глаза с янтарными крапинками смотрели на меня с тем выражением, которое я про себя называл «тихое счастье». — Иди сюда. Посмотри, что получается.

Я подошёл и встал у неё за спиной. На холсте расцветал сад — наш сад, но увиденный её глазами. Яблони на картине были выше и старше, чем в реальности, их стволы серебрились, а в кронах запутались звёзды. Под дубом, на том самом месте, где лежали наши камни, она нарисовала два огонька — красный и зелёный, переплетённые, как два языка пламени.

— Это мы, — пояснила она.

— Я понял.

Я положил руки ей на плечи, чувствуя под тонкой тканью тепло её кожи. Она откинулась назад, прижавшись затылком к моей груди, и закрыла глаза.

— Хорошо, — прошептала она. — Так хорошо, что даже страшно. Будто затишье перед бурей.

— Не каркай.

— Я не каркаю. Я чувствую.

Я и сам чувствовал. Седьмая сфера, Сахасрара, последние недели вела себя странно: временами над макушкой возникало лёгкое покалывание, а в ушах — далёкий, едва различимый звон, похожий на пение хрустальных колокольчиков. Я думал, что это просто усталость — год после Шамбалы был напряжённым. Мы принимали людей, я исцелял словом и прикосновением, Алиса рисовала картины, в которых светился свет, и мы оба чувствовали, как наши сферы — уже не просто семь огней, а нечто большее — требуют нового уровня развития.

Но сейчас, глядя на закат, я понимал: это не усталость. Это предчувствие.

«Предчувствие — это воспоминание души о будущем», — писал Виктор Гюго. Моя душа помнила то, чего ещё не случилось. И это воспоминание отдавалось звоном в Сахасраре.

— Может, просто магнитная буря, — сказал я вслух, хотя сам не верил.

Алиса покачала головой.

— Магнитные бури не пахнут озоном.

Я принюхался. Она была права: в воздухе появился лёгкий, едва уловимый запах — как после грозы, только гроза не собиралась. Трава под ногами, ещё час назад зелёная и сочная, начала сереть на кончиках. Яблоки на ближайшей ветке, только что налившиеся румянцем,

покрылись странным инеем. Я протянул руку и коснулся одного — оно было холодным, как камень, и внутри него, казалось, пульсировал чужой, неземной свет.

— Артём... — голос Алисы дрогнул.

— Я вижу.

Семь сфер внутри меня отозвались мгновенно. Я почувствовал, как они набирают обороты, готовясь к защите. Но что-то мешало — какая-то вибрация, проходившая сквозь реальность, как волна сквозь воду. Она не была враждебной. Она была... чужой. Как будто кто-то очень большой и очень старый смотрел на нас через тонкую ткань бытия.

«Если бы двери восприятия были чисты, всё предстало бы человеку таким, какое оно есть — бесконечным», — вспомнил я слова Уильяма Блейка. Мои двери восприятия, пробитые семью сферами, всегда были приоткрыты. Но сейчас они распахивались настежь, и я чувствовал, как за ними — бесконечность. И эта бесконечность смотрела на меня.

— Смотри, — прошептала Алиса.

Небо над садом разорвалось.

Это произошло беззвучно. Просто над дубом возникла трещина — не в ветвях, не в воздухе, а в самой реальности. Она была похожа на разлом во льду: длинная, изломанная, светящаяся изнутри голубовато-белым. Из трещины хлынул свет — не солнечный, а какой-то иной, более плотный, почти осязаемый. Он тёк, как вода, заливая сад, и там, где он касался травы, трава начинала светиться.

Я схватил Алису за руку и потянул за спину, одновременно активируя все семь сфер. Они отозвались мгновенно: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый — семь огней вспыхнули вдоль позвоночника и слились в радужное сияние. Алиса сделала то же самое, и я почувствовал, как её свет соединяется с моим.

Но трещина не была угрозой. Она была дверью.

Из неё хлынул не свет — хлынуло *присутствие*. Я не мог назвать его иначе. Оно было древним, как само время, и одновременно — юным, как первый день творения. Оно пахло озоном и звёздной пылью. Оно смотрело на нас — и в этом взгляде не было ни злобы, ни дружелюбия. Было только любопытство.

Из разлома вышли трое.

Первый — высокий, выше меня на две головы — был облачён в доспехи, которые не блестели, а впитывали свет. Они казались вырезанными из ночного неба: чёрные, с россыпью звёзд, которые двигались по поверхности, словно живые. Лицо его было человеческим, но слишком правильным, слишком симметричным, словно его чертили по линейке. Глаза — без зрачков, сплошное серебро. Длинные белые волосы струились по плечам, и каждый волос светился собственным, очень слабым светом.

В его лице не было возраста — или, вернее, в нём были все возрасты сразу. Он казался одновременно юношей, впервые взявшим в руки оружие, и старцем, пережившим гибель галактик. Его серебряные глаза смотрели сквозь меня — не на меня, а в самую суть, в ту точку, где семь сфер сплетались в единый узел.

Второй была женщина. Она была прекрасна той красотой, которая вызывает не восхищение, а трепет — почти ужас. Высокая, тонкая, с кожей, отливавшей перламутром, и глазами цвета расплавленного золота. Её одежды были сотканы из света — не из шёлка, а из самого света, который она, казалось, носила, как плащ. На голове её сияла корона из семи лучей — очень похожая на корону Тары, но более сложная, более геометричная. В руке она держала жезл, увенчанный кристаллом, который пульсировал в такт её дыханию.

В ней была красота утренней зари — та, что длится лишь несколько минут, но остаётся в памяти навсегда. Красота первого луча, пробивающегося сквозь ночной мрак. «Красота — это истина, а истина — красота», — писал Китс. Глядя на Ушас, я понимал эту фразу как

никогда ясно. Она была истиной, которая стала видимой. Истиной, которая не нуждалась в доказательствах.

Третий... третий был иным. Он не походил ни на воина, ни на жрицу. Он был похож на тень, которая обрела плоть. Его фигура казалась размытой, словно он существовал сразу в нескольких измерениях. Одежды его были серыми, но серый цвет переливался, как перламутр, и в глубине этого перелива угадывались лица — сотни, тысячи лиц, которые появлялись и исчезали, словно он носил на себе души всех, кого когда-либо встретил. Его голос был как шёпот многих голосов.

— Пробуждённые, — произнёс первый, и его голос прозвучал не в ушах — в сознании, сразу на нескольких уровнях. Я услышал слова, но одновременно ощутил их смысл, их цвет, их вкус. — Мы — Адитьи. Дети Звёзд. Вы привлекли наше внимание.

— Кто вы? — спросил я, не опуская щита.

— Я — Савитар, Хранитель Света, — ответил серебряноглазый. — Эта женщина — Ушас, Владычица Зари. — Он указал на золотоглазую. — А это... Чхая. Тень. Я — то, что остаётся, когда свет уходит.

— Зачем вы здесь? — голос Алисы был спокоен, но я чувствовал через кварцевый кулон, как колотится её сердце.

— Чтобы предупредить, — ответил Савитар. — Ваш мир, ваша Земля, находится на грани вторжения. Не такого, как с Раху. Хуже. Те, кто идёт, древнее асуров. Они пришли из Пустоты, что лежит между звёздами. Мы называем их Кхайя — Пожиратели Света. Они уже уничтожили три планеты в нашей системе. Ваша — следующая.

— Почему? — спросил я.

— Потому что здесь пробудились семь сфер, — ответила Ушас, и её голос был похож на звон хрусталя. — Семь сфер — это не просто эзотерическая практика. Это ключ к Великому Источнику, к той энергии, что питает вселенные. Когда два существа пробуждают семь сфер одновременно, как это сделали вы, в ткани реальности возникает разрыв. Этот разрыв видят Кхайя. Они идут на его свет, как мотыльки на пламя. Только они не сгорают. Они пожирают.

Я переглянулся с Алисой. Её лицо было бледным, но спокойным. Она не боялась. Она думала.

— Вы сказали «предупредить», — произнесла она. — Что ещё?

— Мы предлагаем помощь, — сказал Савитар. — Мы обучим вас новым способностям. Семь сфер — лишь начало. За ними лежат семь лучей. За лучами — семь врат. За вратами — семь бездн. Мы, Адитьи, прошли этот путь много эпох назад. Мы можем провести вас дальше.

— Но не все Адитьи согласны с нами, — вступила Чхая, и в её голосе зазвучала печаль. — Среди нас есть те, кто считает, что людей нужно оставить своей судьбе. Или даже... ускорить эту судьбу. Совет Семи расколот. Трое за то, чтобы помочь вам. Трое — за то, чтобы уничтожить ваш мир раньше, чем Кхайя доберутся до него. Один воздерживается. Голосование состоится через тридцать ваших дней. Если победят противники, мы не сможем вас защитить.

— Кто эти противники? — спросила Алиса.

— Самый сильный из них — Вритра, — ответил Савитар, и при этом имени свет в саду померк, словно на солнце набежала туча. — Вритра — древнейший из Адитьев, не считая тех, что ушли за грань. Когда-то он был Хранителем Тьмы, но тьма поглотила его изнутри. Теперь он считает, что все младшие расы должны быть уничтожены, чтобы сохранить чистоту космоса. У него есть союзники: Дхума, Повелитель Иллюзий, и Ахи, Владыка Яда.

Я стоял, не двигаясь, и смотрел на Адитьев. Мои семь сфер всё ещё пульсировали, но уже не в боевом режиме — скорее в режиме осознания. Я чувствовал, что они не врут. Что их слова — не угроза, а истина. И что эта истина тяжелее любой угрозы.

«Свет — это не просто излучение, — вспомнил я слова бабушки. — Свет — это выбор. Каждый день, каждую минуту, каждую секунду мы выбираем — светить или гасить. И тот, кто

выбирает свет, становится маяком. Но маяк виден издалека. И не все, кто его видит, приходят с миром».

Я смотрел на Адитьев и понимал, что наша жизнь уже никогда не будет прежней. Семь сфер, которые мы пробудили, сделали нас маяками. И теперь к этому маяку шли не только те, кто искал свет, но и те, кто хотел его погасить.

— Мы пойдём, — сказал я. — Но у нас есть условие.

— Какое? — спросил Савитар.

— Наши друзья. Такшака, Адитья, Синга. И Ригден Джапо. Мы не можем оставить их здесь, если Земле угрожает опасность. Они должны знать. И они должны иметь возможность присоединиться к нам.

Савитар переглянулся с Ушас. Та чуть заметно улыбнулась — впервые за всё время.

— Это разумно, — произнесла она. — Мы откроем врата в Шамбалу для ваших союзников. Но помните: время течёт по-разному в разных мирах. То, что здесь кажется днями, там может быть веками.

— Тогда не будем терять время, — сказала Алиса.

Савитар поднял руку, и разлом в небе расширился. Теперь я видел, что это не просто трещина — это арка, сложная геометрическая конструкция из света и тьмы, сплетённых в узор, напоминающий мандалу. В центре арки вращалось колесо с семью спицами, и каждая спица горела своим цветом. Я узнал цвета семи сфер: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый.

— Это Врата Дэвов, — пояснила Ушас. — Они открываются только для тех, кто пробудил хотя бы одну сферу. Для вас они открыты полностью.

Я взял Алису за руку. Её ладонь была тёплой и сухой — никаких признаков страха. Только лёгкое дрожание пальцев выдавало волнение.

— Готова? — спросил я.

— Всегда готова, — ответила она. — Когда ты рядом.

Мы шагнули в свет.

Первое, что я почувствовал, пройдя сквозь врата, — это ветер. Не земной ветер, который дует с гор или с моря, а космический — поток частиц, пронизывающий пространство между звёздами. Он пах озоном и чем-то ещё — древним, как сама вселенная. Он был тёплым и прохладным одновременно, и он пел. Да, именно пел: в его шуме слышались голоса, обрывки мелодий, далёкие отзвуки музыки, которую никто не сочинял.

«Музыка — это откровение более высокое, чем мудрость и философия», — писал Бетховен. Слушая музыку сфер, я понимал, что он имел в виду. Это было откровение, которое нельзя выразить словами. Можно только замереть и слушать.

Мы стояли на платформе из прозрачного материала, похожего на стекло, но более прочного. Под нами, внизу, расстилалась бездна — не чёрная, а переливающаяся всеми цветами радуги. В этой бездне плыли звёзды — целые галактики, медленно вращающиеся вокруг своей оси. Я видел спиральные рукава, видел скопления, видел туманности, окрашенные в розовый и фиолетовый. Это было так красиво, что у меня перехватило дыхание.

Алиса стояла рядом, запрокинув голову. В её глазах отражались звёзды, и я видел, как по её щеке катится слеза — не от страха, не от печали, а от избытка красоты. Она уже плакала так однажды, когда мы впервые увидели Шамбалу. Теперь она плакала, глядя на вселенную.

— Это... — прошептала она, но не закончила. Слов не было.

— Это Набха-лока, — произнесла Ушас, и в её голосе прозвучала гордость. — Небесный Мир. Обитель тех, кто выше богов. Здесь живут Адитья, здесь живут Риши — Мудрецы Космоса, здесь живут Гандхарвы небесные, чья музыка создаёт миры. Здесь вы проведёте следующие тридцать дней. И здесь вы либо обретёте новых союзников, либо потеряете всё.

Платформа поплыла вперёд — беззвучно, плавно, словно мы скользили по невидимым рельсам. Впереди вырастали здания — если их можно было назвать зданиями. Скорее, это были сгустки света, принявшие геометрические формы: пирамиды, сферы, октаэдры. Они парили в пустоте, соединённые мостами из серебряного огня, и в их окнах двигались тени — другие Адитьи, другие небожители.

«Архитектура — это застывшая музыка», — писал Шеллинг. Архитектура Набха-локи была незастывшей. Она звучала. Каждое здание вибрировало на своей частоте, и вместе они создавали аккорд — тот самый, что Пифагор называл «гармонией сфер».

Нас доставили к самой большой пирамиде — она была сложена из прозрачных пластин, каждая размером с дом, и внутри неё клубился золотистый туман.

— Это Зал Совета, — сказал Савитар. — Сейчас там никого нет, но через тридцать дней здесь соберутся все семеро. А пока вы можете отдохнуть и начать обучение.

— Кто будет нас учить? — спросила Алиса.

— Я, — ответила Ушас. — Я научу вас управлять светом. Не тем светом, что вы знаете, — не светом семи сфер. Тем светом, что лежит за их пределами. Светом Первого Луча.

— А я, — добавила Чхая, — научу вас видеть во тьме. Потому что враги, с которыми вам предстоит столкнуться, невидимы для обычного зрения.

— А ты? — спросил я Савитара.

Он помолчал. Звёзды на его доспехах замедлили движение.

— Я, — произнёс он наконец, — научу вас сражаться. Потому что, боюсь, без боя не обойдётся.

Нас проводили в покои — небольшую сферу, висевшую рядом с пирамидой. Внутри не было ничего лишнего: два ложа, похожие на облака, сгустившиеся до твёрдого состояния, стол с чашами, в которых мерцал напиток (я узнал сому — тот самый, что мы пили в Шамбале), и окно во всю стену, выходящее на звёздную бездну.

Алиса подошла к окну и замерла. Я встал рядом. Мы смотрели на галактики, на туманности, на рождающиеся и умирающие звёзды — и молчали.

— Артём, — наконец произнесла она.

— Да?

— Мне страшно.

Это было так неожиданно — она редко признавалась в страхе, — что я повернулся и взял её за плечи.

— Чего ты боишься?

— Не смерти. Не боли. — Она подняла на меня глаза, и я увидел в них то, чего не видел раньше: глубокую, спрятанную за спокойствием тревогу. — Я боюсь, что мы изменимся. Что, пройдя через эти лучи, через эти врата, через эти бездны, мы перестанем быть собой. Перестанем быть... нами.

Это был самый глубокий страх из всех возможных. Страх, знакомый каждому, кто вставал на путь внутренней трансформации. Что, если новое знание изменит меня настолько, что я перестану любить то, что любил? Что, если сила, обретённая в испытаниях, сделает меня чужим для тех, кто был рядом?

«Становление человека — это одновременно и приобретение, и потеря», — писал Карл Юнг. Но он не говорил о том, как страшно терять себя — того себя, которого любят.

Я притянул её к себе и обнял. Её платье из лунного шёлка было прохладным на ощупь, но под ним — тепло её тела, такое знакомое, такое родное.

— Мы не перестанем, — сказал я. — Пока мы вместе — мы не перестанем. Семь сфер, семь лучей, семь врат, семь бездн — всё это не важно. Важно только это. — Я прижал её ладонь к своей груди, туда, где билось сердце. — И это. — Я прижал ладонь к её груди. — Остальное — просто путь.

Она вздохнула и расслабилась в моих руках.

— Ты всегда знаешь, что сказать.

— Не всегда. Только когда это важно.

«Любовь сильнее страха, — писал апостол Иоанн. — В совершенной любви нет страха». Я не знал, была ли наша любовь совершенной. Но я знал, что она была сильнее. Сильнее страха, сильнее сомнений, сильнее самой смерти.

Мы стояли у окна, обнявшись, и смотрели, как в бездне рождается новая звезда. Маленькая, голубая, невероятно яркая. Она вспыхнула, разбрасывая протуберанцы, и осветила наши лица.

— Это знак, — прошептала Алиса.

— Да, — согласился я. — Знак, что всё только начинается.

Утром — если в Набха-локе вообще можно было говорить об утре, поскольку местное солнце, огромный золотой шар, висело в небе неподвижно, — за нами пришла Ушас.

Она была одета иначе, чем вчера. Её плащ из света стал короче и принял форму, напоминавшую боевой костюм: облегающий торс, свободные рукава, пояс из серебряных нитей. На голове всё так же сияла корона, но теперь её лучи были направлены не вверх, а вперёд, как антенны.

— Первый урок, — объявила она. — Вы умеете работать с семью сферами. Это хорошая основа. Но сферы — это центры в теле. Они ограничены формой. Лучи — это центры вне тела. Они не ограничены ничем.

Она подняла руку, и вокруг её ладони закружились семь огоньков — красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Они вращались, набирая скорость, и вдруг слились в один — белый, ослепительно белый, но не обжигающий, а... поющий. Этот луч ударил в стену и прошёл сквозь неё, не разрушив, а просто растворив часть материи в свете.

— Это Первый Луч, — сказала Ушас. — Луч Единства. Он соединяет все семь сфер в одно. Тот, кто владеет им, способен превращать материю в энергию и обратно. Но для этого нужно не просто пробудить сферы. Нужно полюбить их.

— Полюбить? — переспросила Алиса.

— Да. Сферы — это не инструменты. Это живые части вас. Вы должны относиться к ним как к детям. Как к возлюбленным. Как к друзьям. Тогда они откроются вам полностью.

«Любовь — это единственное, что становится тем сильнее, чем больше её отдаёшь», — писал Лао-Цзы. Сферы, как дети, ждали любви. Не использования — любви. И та любовь, которую мы вкладывали в них, возвращалась сторицей.

Я закрыл глаза и попытался представить свои сферы как живых существ. Красную Муладхару — как старого воина, укоренённого в земле. Оранжевую Свадхистхану — как юную девушку, танцующую в потоке воды. Жёлтую Манипуру — как кузнеца, бьющего молотом по наковальне. Зелёную Анахату — как мать, обнимающую ребёнка. Голубую Вишудху — как певца, чей голос разносится над миром. Синюю Аджну — как мудреца, глядящего в книгу. Фиолетовую Сахасрару — как звезду, сияющую в бездне.

Я полюбил их. Каждую по-своему. И они ответили.

Семь огней вспыхнули вдоль позвоночника и слились в один — белый, поющий, живой. Я открыл глаза и увидел, что моя ладонь светится. Свет был мягким, тёплым, и он не жёг — он ласкал.

— Хорошо, — сказала Ушас, и в её голосе прозвучало удовлетворение. — Теперь ты.

Она повернулась к Алисе.

Алиса закрыла глаза. Прошла минута, другая. Я чувствовал через кварцевый кулон, как она пытается — и не может. Что-то мешало ей. Какой-то блок.

— Не получается, — прошептала она, открывая глаза.

— Почему? — спросила Ушас.

— Я... я не могу полюбить свою Манипуру. Жёлтую сферу. Сферу воли. Она напоминает мне о том, как я была слаба. Как не могла защитить родителей. Как боялась всего на свете.

Я видел, как Алиса сжимает кулаки, как её лицо бледнеет. Это было не просто «не получается». Это была боль. Старая, глубокая боль, которую она прятала даже от себя.

Ушас подошла к ней и взяла её за руку.

— Воля — это не отсутствие страха, — сказала она тихо. — Воля — это способность действовать, несмотря на страх. Ты уже проявила её. Когда пошла с Артёмом в Шамбалу. Когда стояла рядом с ним в битве с Раху. Когда шагнула в эти врата. Твоя Манипура не слаба. Она просто ждёт, чтобы ты её признала.

Алиса молчала. Я чувствовал, как внутри неё борются два голоса: один — старый, знакомый, шепчущий: «Ты слабая, ты не справишься»; другой — новый, тот, что родился в Шамбале, — «Ты сильная. Ты справилась. Ты справишься».

«Самопознание — начало мудрости», — сказал Сократ. Но он не добавил: самопринятие — начало силы. Алиса должна была не просто узнать свою Манипуру — она должна была простить её. И себя.

Она снова закрыла глаза. На этот раз прошло меньше минуты. Жёлтый свет вспыхнул в её солнечном сплетении — яркий, как маленькое солнце. А затем все семь огней слились в один.

Она открыла глаза, и я увидел, что её ладонь тоже светится.

— Получилось, — выдохнула она.

— Конечно, получилось, — улыбнулась Ушас. — Вы — Двое-в-Одном. Вы не можете не получиться.

«Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них», — сказано в Писании. Мы с Алисой были собраны во имя любви. И свет, который мы породили, был ответом.

После урока, когда мы возвращались в свои покои, в коридоре нас встретила Чхая.

— Теперь моя очередь, — сказала она своим многоголосым шёпотом. — Идите за мной.

Она привела нас в сферу, которая была полной противоположностью пирамиды Совета. Та была наполнена золотистым туманом. Эта была наполнена тьмой — густой, почти осязаемой, в которой плавали огоньки, похожие на светлячков.

— Это Чертог Теней, — сказала Чхая. — Здесь вы научитесь видеть то, что скрыто.

Тьма в Чертоге была не пустой — она была населённой. В ней жили тени всех, кто когда-либо входил сюда. Тени мыслей, тени страхов, тени надежд. Они плавали в темноте, как рыбы в океанской впадине, и от их движения по стенам пробегали волны.

«Тьма — это не враг света, — говорила Чхая. — Тьма — это то, из чего свет рождается. В начале была тьма. И только потом — «Да будет свет». Тот, кто боится тьмы, не сможет владеть светом. Потому что свет — это не отсутствие тьмы. Это тьма, которая познала себя».

Я сделал шаг в Чертог — и мир вокруг меня изменился. Я перестал видеть привычные очертания. Вместо них передо мной открылись тени — информационные следы, которые оставляли все существа в ткани реальности. Тень Савитара была прямой, как луч света. Тень Ушас — текучей, как вода. Тень Чхаи — многослойной, как мандала. А тень Алисы... её тень была сложной. В ней переплетались золото и тьма, страх и надежда, прошлое и будущее. Я видел в ней ребёнка, потерявшего родителей. Подростка, закрывшегося от мира. Женщину, нашедшую любовь. И всё это одновременно.

— Ты видишь её тень, — сказала Чхая. — Но видишь ли ты свою?

Я посмотрел вниз. Моя тень была... пустой. Не чёрной, как у Вритры, не золотой, как у Митры — просто пустой. Как будто я ещё не решил, кем хочу быть.

— Твоя тень не определилась, — прокомментировала Чхая. — Это нормально. Ты в начале пути. Но запомни: тень — это не враг. Тень — это проводник. Она показывает тебе, куда идти.

«Тень — это самая красноречивая вещь, — писал Миямото Мусаси. — Она говорит о том, что рядом есть источник. Тень — это доказательство существования света».

Я смотрел на свою тень и думал о том, что Чхая права. Я не знал, кем хочу стать. Но я знал, что иду по правильному пути. Потому что мой путь был путём с Алисой. И этого было достаточно.

Когда мы вышли из Чертога Теней, я чувствовал себя так, будто заново родился. Мои глаза видели мир иначе — не только свет, но и тьму, которая за ним стояла. И эта тьма не была страшной. Она была просто... другой.

— Это только начало, — сказала Чхая. — Завтра вы начнёте учиться сражаться. Савитар будет ждать вас на рассвете.

— На рассвете? — переспросила Алиса. — Здесь ведь нет рассвета.

— Будет, — улыбнулась Чхая. — Ради вас.

И она исчезла, оставив нас стоять в коридоре, который светился золотистым туманом. Мы смотрели друг на друга, и я чувствовал, как наши ауры переплетаются, становясь всё плотнее, всё ярче.

— Это только начало, — повторил я слова Чхай.

— Да, — ответила Алиса. — И я рада, что это начало — с тобой.

Мы пошли в покои. Завтра нас ждал новый урок. А послезавтра — новый. И так — каждый день, до самого Совета. Но в этот момент, глядя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.